

Кьерсти
Анфиннсен
Последние
ласки

Последние ласки

Каролине и Акселю

СПИСОК

Гудрун мертва. Моя лучшая подруга детства. Сообщение пришло от моей сестры, которая все еще жива. Совершенно точно. От такой новости я на пару секунд погружаюсь в уныние и думаю: «А я-то считала, что она умерла много лет назад. Да-да, жалко. С Гудрун было хорошо».

Польза смерти в том, что она ставит предел старости. Лучше на несколько лет раньше, чем на несколько лет позже. Я вычеркиваю Гудрун из списка людей, входящих в круг моего общения. Она была моим последним живым другом. Я качаю головой, глядя на вымаранные имена. Зачеркивания и каракули. Так я сижу минуту или около того.

Да-да.

Время — сложная штука.

И с годами проще не становится.

На самом деле хорошо, что можно прекратить поддерживать отношения: все эти приветы, подарки, вранье, болезни, похороны. И все же, аккуратно сворачивая листок, я раздумываю, существует ли хоть одна живая душа, которой я, к примеру, могла

бы отправить рождественскую открытку? Трудно сказать. Возможно ли, что я в свое время потеряла с кем-то связь? С человеком, у которого возникли проблемы со здоровьем или с деньгами, или с тем, кто произвел на меня настолько незначительное впечатление, что даже не оставил воспоминаний. Нет, вряд ли. Но у меня ведь есть сестра. Или, вернее сказать, у Элисабет есть я. Мы не встречались много лет, с тех самых пор, как наша мать наконец умерла. Хватит об этом.

ПРИЧИНЫ НЕ ЕХАТЬ

«Уважаемая доктор Сульхейм».

Нью-Йоркская пресвитерианская больница до сих пор присылает мне приглашения. Стандартные пустые слова. Приятное совместное времяпровождение, бла-бла-бла. Бутерброды и песни, бла-бла-бла. Бридж, бинго, бла-бла.

Я до последнего времени не понимала, почему Макдауэлл поддерживает со мной такие теплые отношения, но, разбирая сегодня почту, я обнаружила чрезмерно лестное приглашение прочитать в женский день лекцию о методе пластики митрального клапана Сульхейм — Вильямса. Многие хотят услышать мой рассказ о том, как мы с Хенри оперировали разные грудные клетки. Теперь он мертв, но до своей кончины именно он проводил семинары о нашей казуистике и методах.

Так было лучше.

Выступления мужчин всегда привлекают больше внимания.

В любом случае, я постоянно отказывалась от подобных приглашений, так собираюсь поступать и впредь. Должны быть границы. Приехать туда, чтобы рассказать о моей устаревшей кардиохирургической технике? Думаю, слушатели всего лишь увидят, насколько старой я стала, думаю я.

Я до сих пор в состоянии передвигаться самостоятельно и говорить настолько четко, что даже большая аудитория поймет мои слова, а вот мозг работает уже не так быстро, как раньше, и лицо стало похоже на карту мира с горами и впадинами. Для того, чтобы сделать макияж, потребуется два часа. Минимум. Неудивительно, что я предпочитаю оставаться дома.

Приглашение, совершенно очевидно, преследует другую цель. Больнице наверняка потребовался пионер, которого можно предъявить миру для укрепления собственной репутации. Никого из хирургов-первопроходцев женского пола, которых раньше использовали для этих целей, нет в живых. Они надлежащим образом восславлены и похоронены вместе со своими медалями за прорывные идеи.

Когда я думаю об аплодисментах, мне становится нехорошо.

Если я приеду туда, после доклада кто-нибудь наверняка начнет докапываться, почему я выбрала такую сложную специализацию. И если отвечать честно, придется сказать: не знаю.

Еще кто-нибудь выскажет свои соображения по поводу того, что в этой профессии доминируют

мужчины, и я соглашусь со всеми. Но у меня не было времени думать о таких глупостях, я концентрировалась на работе. Я практически жила в больнице на протяжении в общей сложности тридцати пяти лет. Это оказалось трудно, но так и должно было быть. Я могла бы выбрать более приятный образ жизни, но сердце — это всепоглощающая страсть.